

страны до II половины XIX вв. был шведский. Острота языковых конфликтов, которым уделено автором немало места (в 1, 2 главе и далее), и которая была характерна для конца XIX — начала XX вв., определялась не только стремлением шведов сохранить права своего языка, но и тем, что это был период борьбы финнов за утверждение финского языка во всех сферах жизни.

Более широкое историческое введение сделало бы понятнее также вопросы большей социальной мобильности шведов, о которой неоднократно говорит автор (с. 10, 101 и др.). Однако при этом им опускается вопрос о том, что эта особенность шведского крестьянства была связана со знанием шведского языка, языка привилегированных слоев страны, что ставило их в лучшее положение по сравнению с финским крестьянством, возможности социального развития которого сдерживались помимо прочего и языковым барьером. Вероятно, автору следовало после рассмотрения механизма проникновения в культуру шведских крестьян Финляндии различных новшеств шведского происхождения (благодаря крестьянскому мореходству, контактам с городами, возникновению сельских заводов и т. д.) дать раздел, суммирующий все результаты этих воздействий, аналогичный тому, что посвящен средневековым чертам культуры шведского населения. Это дало бы более полную картину развития народной культуры и избавило бы книгу от имеющих повторов.

В целом же работа Б. Лённквиста представляется нам не только интересной, но и весьма важной и актуальной. Хотелось бы, чтобы автор опубликовал свою работу на одном из более доступных широкому кругу читателей европейских языков. При этом ее можно было бы расширить в плане сделанных нами, именно с точки зрения зарубежного читателя, замечаний.

Н. В. Шлыгина

НАРОДЫ АМЕРИКИ

L. Carlson. *Indians, Bureaucrats and Land. The Dawes Act and the Decline of Indian Farming.* Westport — London, 1981, XII+211 p.

В ходе бурного развития экономики США после Гражданской войны 1861—1865 гг. резко сократился фонд общественных (государственных) земель. Это обстоятельство оказало решающее влияние на судьбы индейского населения Соединенных Штатов. Земельная база аборигенов, составлявшая к 1890 г. 121 млн. акров (1 акр=0,4 га)¹, в условиях интенсивного вовлечения в капиталистическую экономику новых регионов приобрела в глазах представителей правящих кругов США значение дополнительного территориального резерва.

Для того чтобы получить возможность захвата общинных земель, имевших официально зафиксированный статус коллективного владения, конгресс после длительных дискуссий в 1887 г. принял закон Дауэса, согласно которому земли резерваций, являвшиеся собственностью соответствующей общины, делились на участки-аллоты площадью 160 акров и отдавались в индивидуальное владение каждой индейской семье (ст. 1). Оставшиеся после аллотирования (раздела) земельные «излишки» изымались из собственности племени и продавались с аукциона всем желающим (ст. 5)². В результате действия закона Дауэса, отмененного в 1934 г. президентом Ф. Рузвельтом, общая площадь индейских земель сократилась более чем в два раза, составив к моменту отмены закона 56 млн. акров³.

К сожалению, тот факт, что закон Дауэса стал причиной кризиса хозяйства резерваций, не получил должного освещения в трудах большинства американских ученых. В этой связи монография специалиста по экономической истории США Л. Карлсона, в которой рассматриваются последствия закона о разделе общинных земель для сельского хозяйства индейских резерваций, заслуживает серьезного внимания.

Центральной проблемой книги, пишет автор, является «изучение закона Дауэса как способа передачи индейских земель белому населению, которому сопутствовала попытка реформы правовых норм общин и изменение социально-экономических условий существования аборигенов» (с. 22). Детально проанализировав эти сложные проблемы в разделе «Индейский вопрос и политика аллотирования» (с. 3—26), Л. Карлсон исходит из совершенно справедливой посылки, что индейская политика федерального правительства конца прошлого века может быть объяснена только в широком контексте изучения экономического развития американского государства и его аграрной истории в целом (с. 4). Объективной ее целью стала попытка разрешить потребности в землях белого населения, используя в качестве общественного фонда территории индейских резерваций одновременно с насильственным вовлечением их жителей в американское общество (с. 7—9).

В американской исторической литературе идет длительный, но вместе с тем риторический спор относительно того, было ли принятие закона Дауэса трагической для

¹ U. S. Department of the Interior. Office of Indian Affairs. Annual Report of the Commissioner on Indian Affairs (ARCI) 1880—1917. Wash., 1891—1917. For 1890, p. 488.

² U. S. Statutes at Large. Wash., 1887, v. 24, p. 388—391.

³ U. S. Bureau of Indian Affairs. (BIA) Annual Report for 1953. Wash., 1953, p. 29.

индейцев ошибкой законодателей или же целенаправленной дискриминацией коренного населения⁴. Предложенный автором подход к рассмотрению данного вопроса в главе «Осуществление закона — политика и практика» (с. 27—77) в известном смысле проясняет ситуацию. Прежде всего, считает Л. Карлсон, закон Дауэса был характерным проявлением идеологии крайнего индивидуализма, господствовавшей в умах американцев в то время, и за рамки этих представлений не выходили ни друзья, ни недоброжелатели индейцев (с. 77). Однако каковы бы ни были взгляды на индейский вопрос у тех или иных законодателей, отмечает он далее, принимая закон о разделе общинных земель, американские политики руководствовались все же не интересами индейцев, пусть неверно понятыми, а выгодами заинтересованных в новых территориях представителей белого населения. Хотя на основании широкого круга источников, касающихся резерваций Небраски, Северной и Южной Дакоты, автор устанавливает, что среди индейцев, живших в этом районе, имелись сторонники выхода из общины и раздела племенных владений, в первую очередь аллотированию были подвергнуты как раз не те резервации, где подобные настроения были сильнее распространены, а те, земли которых представляли больший интерес для окрестного белого населения (с. 43, 60—64). Поэтому нельзя не согласиться с заключением Л. Карлсона: в конечном счете политика раздела индейских земель проводилась в интересах различных групп белого населения, и главным образом, земельных «спекулянтов» (с. 43).

Последствия раздела земель оказались плачевными для основной отрасли экономики резерваций — сельского хозяйства, в котором, согласно данным Управления по делам индейцев (УДИ) на 1887 г., было занято более 90% индейских семей. Оставшихся после изъятия «излишков» угодий, как выяснилось, не всегда хватало на выделение для каждой семьи аллота в 160 акров, гарантированного законом Дауэса. Введение рентабельного хозяйства в подобных условиях было практически невозможным. Поэтому документы УДИ не могли не отметить существенного ухудшения условий жизни аборигенов⁵. Все это рассматривается Л. Карлсоном в разделе «Влияние аллотирования на сельское хозяйство индейцев» (с. 77—162). Применяя математические методы обработки обширного массива статистических данных, автор составил 26 подробных таблиц (приводятся полностью в приложении), характеризующих застой земледелия и животноводства в индейских землях, продолжавшийся до отмены закона Дауэса в 1934 г. Этот материал, несомненно, представляет большую ценность. Однако не менее важной заслугой Л. Карлсона является то, что он не ограничивается констатацией факта бедственного состояния экономики резерваций в период 1887—1934 гг., а анализирует причины его, рассматривает социально-экономические последствия раздела земель.

В этой связи хочется обратить внимание на три важные положения, выдвигаемые Л. Карлсоном. Во-первых, это бесспорный вывод о том, что ущерб сельскому хозяйству аборигенов наносило не только изъятие у индейцев большого количества земли, но и появление в резервациях индивидуальных индейских хозяйств, не способных конкурировать с хозяйствами белых фермеров (с. 89—91). Это положение, кстати сказать, разделяет в настоящее время ряд представителей индейского населения⁶.

Во-вторых, нельзя не согласиться с мнением автора о социальных последствиях политики Федерального правительства. Предоставляя индейской семье вести свое хозяйство самостоятельно, закон Дауэса тем самым наносил удар по таким полезным традициям общины, как экономическая взаимопомощь или практика совместной обработки земли. Одновременно индейцы не получали возможности приобщиться к техническим достижениям белого фермерства, ибо, проводя раздел племенных владений, правительство не заботилось, чтобы их жители приобрели более передовую технику и методы обработки земли и разведения скота. Поэтому не удивительно, что, вопреки желанию тех законодателей, которые хотели видеть индейцев преуспевающими сельскохозяйственными производителями, появление в резервациях индивидуальных хозяйств не только не улучшило, но, наоборот, понизило доходы и уровень жизни их владельцев (с. 104—111).

Наконец, заслуживают внимания мысли автора об изменениях в сфере трудовой деятельности аборигенов, которые произошли под влиянием кризиса сельского хозяйства резерваций. Невозможность адекватного жизнеобеспечения за счет своей земельной базы послужила причиной того, что все большему числу индейцев приходилось на более или менее длительный срок покидать резервации с тем, чтобы обеспечить себя какой-либо работой по найму. Этот процесс приобрел довольно интенсивный характер: если в 1900 г. лишь 2,9 тыс. индейцев работали в различных секторах экономики страны, то к 1917 г. их число увеличилось в 8 раз, достигнув 24,9 тыс. (около 30% самодеятельного индейского населения). Заключение Л. Карлсона о том, что последствия аллотирования выходили за рамки кризиса основной хозяйственной отрасли резерваций, таким образом, полностью справедливы (с. 155—158). Эти аргументированные выводы, которые автор монографии суммирует в заключительном разделе (с. 165—178), составляют главную ценность его исследования.

Книга Л. Карлсона имеет и недостатки. Наиболее существенным из них является неверное представление автора о характере земельных отношений внутри индейских

⁴ *Wilkinson Ch. Shall the Islands be Preserved.— Amer. West, 1979, v. XVI, № 3, p. 69.*

⁵ *ARCIA for 1887, p. X; for 1890, p. 448; for 1893, p. 732; for 1898, p. 218, p. 219; for 1902, p. 667; for 1906, p. 224—228; for 1916, p. 178.*

⁶ *Indian Economic Development Programs. Oversight Hearings Before the Commission on Interior and Insular Affairs. House of Representatives, 96 Congress, 1 Sess. Wash., 1980, pt III, p. 110—112.*

общин накануне принятия закона Дауэса. Он явно преувеличивает индивидуальный характер землепользования у аборигенов. Из его описания следует, что уже в 80-е годы прошлого века индейские поселения представляли собой совокупность малозависимых друг от друга ферм (с. 86—88). Здесь налицо явное несоответствие с его дальнейшими выводами, ибо в подобном случае юридический раздел племенных земель никак не мог бы нанести столь серьезный ущерб сельскому хозяйству индейцев. И тем более непонятно, почему же тогда индейское население стойко сопротивлялось аллотированию и вплоть до отмены закона Дауэса сохранило племенную собственность на почти 70% оставшихся у него земель⁷, что, кстати, явствует из составленных Л. Карлсоном таблиц А-1 и А-2 (с. 183, 184). Причина этого противоречия, на наш взгляд, заключается в том, что автор, относящий себя к школе «новой экономической истории», оперирует главным образом статистическими источниками. Хотя он пишет, что «где возможно, он старался дополнить их источниками традиционными» (с. 22), недостаток последних, в особенности этнографических материалов, оказался в данном случае особенно ощутимым, ибо исследования американских этнографов, в частности М. Смита, М. Оплера, Х. Элкина, Р. Липтона, доказали, что, несмотря на процесс разложения индейских общин, вследствие которого многие коллективные нормы в тот период уже не соответствовали своему первоначальному содержанию, в целом общинные традиции, в том числе и в сфере хозяйства, в 80-е годы прошлого века были еще достаточно сильными⁸.

Впрочем, в конечном счете, это не снижает ценности книги Л. Карлсона, которая проливает свет на мало изученные в американской литературе стороны жизни коренного населения и позволяет в новом ракурсе рассмотреть известные факты федеральной индейской политики.

В. Г. Стельмах

⁷ ВИА, Annual Report for 1953, p. 30.

⁸ См. работы названных авторов в книге: *Acculturation in Seven American Indian Tribes*/Ed. Linton R. Glaiester, 1963.